

Алексей К. Смирнов
Церковь Крота и Павлина

Трилогия о сектантах

Алексей Смирнов

**Церковь Крота и Павлина.
Трилогия о сектантах**

«Издательские решения»

Смирнов А. К.

Церковь Крота и Павлина. Трилогия о сектантах /
А. К. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740522-9

Три повести о сектантах, исповедующих отказ от человеческого образа.
Повесть «Натюр Морт» удостоилась первого места в конкурсе Арт-Лито им.
Стерна-2000 под руководством Б. Стругацкого и А. Житинского, а также
премии «Живой металл-2013» как лучшая повесть в жанре «хоррор».

ISBN 978-5-44-740522-9

© Смирнов А. К.
© Издательские решения

Содержание

Натюр Морт	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Церковь Крота и Павлина Трилогия о сектантах

Алексей Константинович Смирнов

Иллюстратор Дмитрий Горчев

© Алексей Константинович Смирнов, 2017

© Дмитрий Горчев, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4474-0522-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Натюр Морт

Любое совпадение с реальными людьми, местами, событиями – случайно, произошло не по вине автора, и последний не намерен нести за это никакой ответственности.

1

Проснувшись, Антон Беллогорский сразу понял, что со сном ему повезло. Впечатление от сна осталось настолько сильное, что Антон, очутившись по другую сторону водораздела, какие-то секунды продолжал жить увиденным. Возможно, он слишком резко выпрыгнул в неприветливое утро. Сознание вильнуло хвостом, и гильотина ночной цензуры лязгнула вхолостую. Антон запомнил не очень много, всего лишь один сюжет, но зато запомнил в деталях – он не сомневался, что ни единое стёклышко не выпало из капризной и хрупкой мозаики сновидения. Сюжет был прост: какая-то закусочная, он клеит сразу трёх девиц, которые – после недолгих раздумий – согласны отправиться, куда он им скажет, вот только подождут четвёртую подругу, которая уже на подходе. Антон записывает их имена в записную книжечку – одни лишь начальные буквы имён. Четыре буквы, вписанные почему-то в четыре клеточки квадрата, образуют слово «mort» – смерть, и он, сильно удивлённый, открывает глаза. Ему удаётся сохранить нетронутым холодный полумрак телефонной будки, где он записывал в книжку; при нём же остаются розовый, лиловый и сиреневый цвета платьев, а сами платья, как ему помнится, были легчайшими, из воздушного газа.

Прочие подробности, сливаясь в цельную мрачноватую картину, служили фоном и поодиночке неуклюжим разумом не ловились. То и дело выскакивали разные полужнакомые, размытые лица – на доли секунды, и тут же кто-то сокровит утаскивал их подальше от глаз, в кулисы. Антона эти невыразительные неясности оставляли равнодушным, ему хватало девиц и квадрата с буквами. Исключительно правдоподобный сон – знать бы только, чем он навеян. Возможно, этим? – Беллогорский поднял глаза и начал в тысячный раз рассматривать висевшую на стене картину. Это был натюрморт, изображавший фрукты, овощи и стакан вина. Картина была куплена по вздорному велению души, недорого, и провисела в комнате Антона не меньше года. Накануне – в ночной тишине, засыпая, – он тщился угадать в темноте знакомые очертания груш и огурцов. Конечно, «морт» приплыл оттуда, больше неоткуда. А что касается незнакомых девиц – они, вероятнее всего, второстепенное приложение и сами по себе ничего особенного не означают. Итак, разобрались вполне, и хватит с этим, пора отбросить одеяло и заняться каким-нибудь делом.

Дела, собственно говоря, не было. Антон Беллогорский состоял на учёте на бирже – его сократили и вынудили жить на пособие. Сократили, между прочим, не как-нибудь в стиле Кафки – не было безликого государственного монстра, который равнодушно и рассеянно оторвал мелким винтиком. Бушевали отвратительные страсти, и вполне живые, во многом неплохие люди так или иначе принимали участие в судьбе Антона, да и сам он скандалил вовсю, сражаясь за место под солнцем, и даже – совсем уже вопреки кафкианским обычаям – мог всерьёз рассчитывать на победу. Но только не повезло, и теперь Антону было совершенно всё равно – Кафка или не Кафка. Литературные аналогии всегда отыщутся, а суть свалившейся на него беды нисколько от них не менялась. На первых порах Беллогорский ещё держался орлом, но постепенно начал опускаться, выбирая в качестве жизненного кредо апатию и всё, что ей обычно сопутствует. Он слегка отошал, перестал пользоваться дезодорантом, сапожную щётку засунул куда подальше, усов не ровнял и перешёл на одноразовые услуги тюбика с зубным триколомором – пока не кончился и триколомор. С каждым разом, после возвращения с биржи,

от Беллогорского всё явственнее пахло псиной. Из зеркала взирал на него исподлобья угрюмый коротышка с зализанными назад редкими чёрными волосами, неприятно маленьким, острым, шелушащимся носиком и обветренными губами.

Поэтому в то самое утро, поскольку важных дел и встреч – повторимся – не было, Антон решил вообще не подходить к зеркалу. А заодно и не есть ничего – ну её в парашу, эту муторную еду. Выпил холодной воды из-под крана, как попало оделся и вышел из дома, нащупывая в кармане огорчительные мятые десятки. Он плохо себе представлял, на что ему предстоит израсходовать наличность – в его положении с соблазнами уже не борются, их просто не замечают, а если исключить соблазны, то что останется? Крупами да макаронами он предусмотрительно запасся; за квартиру, озлобленный донельзя, не заплатит из принципа, даже если появятся деньги – пусть попробуют выселить. Тут Антон Беллогорский поморщился – что за убогие мысли и образы! интересы – те просто насекомообразные, а тип мышления – какой-то общепитовский. И в петлю не хочется тоже. Петля как идея обитала в сознании Беллогорского с самого момента увольнения, предназначаясь поначалу для окружающих и только потом умозрительно надевшаяся на шею Антона, но эта идея оставалась холодной, абстрактной и абсолютно непривлекательной. Будто компьютер, рассмотрев всевозможные варианты решения проблемы, вывел их все до последнего на экран монитора, не забыв и про этот – простого порядка ради, без предпочтения.

Короче говоря, Антон направился в центр. В конце концов, туда ведут все пути. Конечно, кинотеатры, «Баскин Роббинс» и «Макдональдс» исключались – в центре Беллогорский не мог себе позволить даже стакана чаю. Но он вдруг почему-то решил, что сама геометрия родного Петербурга подействует на него исцеляющим образом, хотя многочисленные отечественные писатели не раз предупреждали его об обратном. Дойдя до метро, Антон после небольших колебаний потратился на толстую газету бесплатных объявлений и в течение двадцати минут езды с трагической усмешкой штудировал раздел вакансий. От него требовали опыта работы с каким-то ПК, категорий В и С, водительских прав, физической закалки, длинных ног, вступительных взносов, двадцатипятилетнего возраста и принадлежности к женскому полу. Желательным условием было также знание языков, лучше – двух, и вдобавок не худо бы ему было разбираться в бухгалтерском учёте – будучи, естественно, женским длинноногим полом в возрасте до двадцати пяти лет. Плюгавые лысеющие брюнеты спросом не пользовались, не интим. «Водительские права! – Беллогорский желчно хмыкнул. – Якобы все прочих прав уже полна коробочка – не хватает только водительских. Самой малости не хватает».

Тут к нему пристало помешавшееся существо неопределённого пола – как будто именно женского, но Антон не был в этом уверен. С нескрываемым безумием в голосе существо осведомилось:

– Ты думаешь, водяной умер? С ним всё в порядке, не беспокойся. Он в Одессе. Сейчас мы поедем к нему на аэродром.

Плюнув, Антон поднялся и пошёл к дверям.

Покинув странноприимный поезд, он поискал глазами урну, не нашёл ничего и с мелочным злорадством, несколько раз оглянувшись, швырнул газету под каменную лавочку. На эскалаторе вёл себя смирно и лишь провожал мрачным взглядом проплывающие мимо лампы-бокалы, наполненные до краёв тусклым коммунальным светом. Балюстрада глухим голосом соблазняла пассажиров: «Снова в городе пиво Чувашское! Попробуйте только один раз – и вы наш постоянный клиент!» Антон вышел на улицу, шагнул не глядя, хрустнул зеркальцем подмёрзшей лужи и принял подношение, которое раз и навсегда решило его судьбу. Обычно подзрительный и осторожный (так ему казалось), он опрометчиво зазевался и машинально взял красочную листовку, которую вложил ему прямо в руку какой-то расторопный молодой человек. Ни о чём особенном не думая, Антон поднёс листок к глазам, замедлил шаг, остановился. Его начали толкать, он посторонился, отошел к газетному ларьку и продолжал рассматри-

вать незнакомую эмблему. Большое и жаркое, ярко-алое сердце взрывало изнутри опешивший череп и победоносно сияло в кольце из костных обломков. Кости были нарисованы чёрным, а всю картину целиком заключили в белый круг на красном фоне. Антон Беллогорский перевернул бумажку и обнаружил текст. Прочитал он следующее:

ВЫ – НИКТО? ВЫ – НЕКРАСИВЫ? ВЫ – ИЗГОЙ ОБЩЕСТВА?
ВАС ВЫГНАЛИ, УНИЗИЛИ, РАСТОПТАЛИ, ОКЛЕВЕТАЛИ?
У ВАС НЕТ РОДИНЫ? НЕТ ТАЛАНТА? НЕТ ДОСТИЖЕНИЙ?
КОРОЧЕ ГОВОРЯ – ВАМ НЕЧЕМ ГОРДИТЬСЯ?

Н Е Т Н И К А К И Х П Р О Б Л Е М !

П Р И Х О Д И Т Е В «У Ж А С»!

«У Ж А С» – Э Т О :

– У Т В Е Р Ж Д Е Н И Е

– Ж И З Н И

– А К Т И В Н Ы М

– С П О С О Б О М !

СОБЕСЕДОВАНИЕ ЕЖЕДНЕВНО ПО АДРЕСУ: УЛИЦА
ПУШКИНСКАЯ, Д. 10/2, В 12. 30

Антон снова перевернул листок и повторно изучил рисунок. Пламенное сердце слепило глаза. Потом посмотрел на раздатчика пригласительных билетов – то был парень лет восемнадцати, одетый в гимнастёрку, галифе и высокие сапоги, затянутый в ремни, лицом неинтересный и с нарукавной повязкой, где красовалось всё то же сердце, взрывающее череп. Помимо листовок, были у юноши ещё и газеты – целая пачка листов, перекинутых через согнутое левое предплечье. Красно-бело-чёрная гамма пробудила в Беллогорском совершенно недвусмысленные ассоциации. Однако заложенное в эмблему содержание показалось ему вполне благопристойным. Разбитый вдребезги символ смерти, торжествующий символ жизни... Нет – разумеется, Антон не сомневался ни секунды, что ему предлагают посетить очередную западную, устроенную даже без особенного коварства, на скорую руку, нагло и без боязни последствий. Он успел приобрести богатый опыт по части «Гербалайфа», «Визьона», «Ньювейса», «Санрайдера», сайентологии и прочих структур, где всё начинается с уплаты денежных сумм за право невнятно оговоренной и довольно бесперспективной деятельности. Но Беллогорский, как ни грустно это признавать, сделался своего рода наркоманом и на подобные мероприятия ходил, измученный бездельем, будто на службу. Это была иллюзия занятости, ее суррогат. Он знал все уловки и хитрости, на которые пускались устроители помпезных презентаций с целью околдовать своих преимущественно безмозглых гостей; он стал, между прочим, приличным экспертом по части агрессивной рекламы и именно в этой области мог оказаться полезным, но общество не испытывало недостатка в подобных специалистах. Антон моментально рассудил, что шокирующая, примитивная аббревиатура «УЖАС» является основной приманкой – не самой, кстати сказать, высокой пробы. Призванная, казалось бы, отпугивать посетителей, она, напротив, оборачивается главным соблазном, калорийной наживкой. Но, как бы он ни относился к уровню ловушки, крючок Антон хапнул – жадно и бездумно. Автоматически. У него, во всяком случае, появилось занятие; он был готов ловиться не то что на мормышку – на тень рыбака.

Беллогорский вернулся к раздатчику.

– Сколько придётся заплатить? – спросил он в лоб, показывая, что зазывала имеет дело с человеком бывалым.

– Нисколько, – ответил тот, нисколько удивляясь, благо успел привыкнуть к этому вопросу. Его задавал каждый второй.

– Ну, не надо, молодой человек, – протянул Антон скучным голосом. – Не задарма же вы тут стоите. Какой вам резон?

Парень ловко выдернул из пачки газет один экземпляр и подал занудному вопрошателю со словами:

– Вот, возьмите – почитаете, и вам всё станет предельно понятно.

Раздатчик дежурно улыбнулся и бросился с листовкой к очередной глупой вороне, глазевшей по сторонам. Антон посмотрел на часы – была половина двенадцатого, он успевал с большим запасом. Криво улыбаясь, Беллогорский встал в сторонке и впилился глазами в газетный лист. Печатное издание называлось: «УЖАС» России», а передовица была озаглавлена так: «До победы – рукой подать». Антон, прежде чем начать чтение, заглянул в конец и обнаружил, что статья подписана неким кандидатом философских наук по фамилии Ферт. Отметив, что писал кандидат, а не, скажем, профессор, что позволяло косвенно судить о солидности организации, Антон принялся за сам текст. В частности, он прочитал:

«...Социальный статус индивида во многом зависит от его самооценки, и если последняя изначально занижена, то это является причиной большинства жизненных неурядиц. Известно, что снижение самооценки может быть обусловлено как субъективными, так и объективными факторами. Среди субъективных отметим Адлеровский комплекс, органические заболевания нервной системы, иные физические, конституциональные дефекты – мы не ставим себе целью рассматривать все эти моменты, представляющие сугубо академический интерес. Наша задача – подробнее остановиться на факторах объективных. Любое общество располагает, в зависимости от господствующей идеологии, теми или иными ценностными стандартами. К ним можно отнести личную инициативу, коллективизм, показатели интеллекта, национальность, принадлежность к той или иной расе, вероисповедание, физическое совершенство, партийность, успешность и так далее. Возникает вопрос: как следует вести и чувствовать себя личности, интеллектуальный уровень которой можно оценить как средний, у которой инициатива отсутствует как таковая, работа в коллективе не приносит удовлетворения, национальность и раса – не поймёшь, какие (к примеру, еврейский отец и киргизская мать, притом оба – наполовину, поскольку бабушки и по той, и по другой линии были хохлячками)? Как жить и чем гордиться заурядному субъекту, который не имеет каких бы то ни было достижений и заслуг, не верит в Бога, плюёт на политические партии, а телесно – немощен и слаб, вдобавок же – не отличается внешней красотой в общепринятом смысле? Разве перед нами не человек? Разве не существует в нем априорной ценности, не обусловленной стечением обстоятельств?»

Антон Беллогорский невольно покачал головой – словно про него написали. Ниже Ферт заявлял:

«Итак – что же осталось после удаления шелухи? Нет ни веры, ни идей, ни национального самосознания. Нет ничего, на что мог бы опереться простой человек – человек, каких большинство! Но мы берёмся с этим поспорить. Мы утверждаем, что – есть! есть предмет, которым вправе гордиться действительно любой из живущих! Потому что предмет этот – сама жизнь. Мы гордимся жизнью как таковой, мы превозносим тот факт, что мы попросту живы, и кто осмелится обвинить нас в каком-то заблуждении, если больше гордиться нам нечем? Мы не делаем из этого обстоятельства никакого секрета, мы не видим в основе нашего достоинства ничего постыдного...»

Антон, которому выводы Ферта показались нелепыми и далёкими именно от жизни, с нарастающим раздражением перешёл к другой статье. Эту написал некий церковный деятель, чей титул ни о чём не говорил Беллогорскому. Беллогорский вообще не интересовался вопросами религии, тем более церковной иерархией. Поэтому он лишь бегло просмотрел статью, речь в которой шла об иллюзорности смерти, предстоящем торжестве вечной жизни, равной сущностно самому бытию. Прочитанный бред его успокоил – в том успокоении присутствовала известная извращённость неудачника. Ему не придётся принимать решений. Организация «УЖАС» полностью скомпрометировала себя в глазах Антона, этим психам не поверит даже ребёнок, и значит, Беллогорскому не придётся мучиться, гадая – прав он был или не прав, когда

отверг предложение присоединиться. Теперь он со спокойным сердцем мог пойти и поглазеть на бесплатный цирк.

2

До места, указанного в листовке, оставалось пройти полтора квартала; Антону начали попадаться люди, одетые по-военному и с повязками на руках. Они оживлённо беседовали друг с другом, курили «Лаки Страйк» и демонстрировали нарочитое безразличие к прохожим. «Стар приёмчик, – улыбнулся про себя Антон. – Дескать, много их. А раз много – не все же они дураки. Присоединяйтесь! Они ещё посмотрят, взять ли нас. Покапризничают, потребуют время на размышления. А сами спят и видят, как бы окрутить побольше козлов». Он шёл не спеша, готовый потешиться всласть. Возможно, он умышленно даст охмурялам надежду, проявит нерешительность. Они возмущаются за него с утроенной силой, начнут уговаривать и убеждать, предложат взять кредит – да прямо у них! Прямо сегодня и тут же, не отходя! Если нет у него с собой денег на вступительный взнос! Да! Как будто он не знает, что всё упирается в деньги! Иначе зачем наряжаться, как пугала! Печатать газетки и листовочки! А как же! Ясно, у них контора самая лучшая. Только-только открылась. Ваше процветание обеспечено, уважаемые гости! Благоденствие наступит прямо сегодня! Только доверьтесь! «Хрен вам», – пробормотал Антон мечтательно и переключился на простых прохожих. Сутулые безработные спины и опущенные плечи выдавали потенциальных гостей. Антон заносчиво приосанился. «Так называемая биомеханика позвоночника, – подумал он. – Человеческая жалкая тварь гуляет себе не хер гордо выпятив, а задницу отклячив, как предвечно замыслено», – Беллогорский, додумывая мысль, закончил её оборотом из только что просмотренной религиозной статьи. Он подошёл к парадному подъезду; там толпился народ – большей частью бесцветные соколы «УЖАСа». Двое торчали у самых дверей, один из них задержал Антона и вежливо спросил, к кому он направляется.

– Не знаю, – пожал плечами Антон, слегка растерявшийся от очевидной наглости вопрошавшего. Даже не скрывают, что нужно прийти не вообще, а к кому-то! Ведь система известна, так бывает всегда и везде: кто вербовщик, тот, как выясняется впоследствии, и получает куш! После уплаты вступительного взноса... Хоть бы подождали чуть-чуть, попытались запудрить мозги, а уж потом показывали истинное лицо компании.

Краснорожая обезьяна в гимнастёрке взяла у Беллогорского пригласительный билет.

– Вот же написано – вам к господину Ферту, – медленно, словно дебилу, объяснил часовой.

– Неужели к самому Ферту? – издевательски поразился Антон, обнаружив, что верно! мелкими буквами внизу было приписано – «инструктор Ферт».

– Вы с ним знакомы? – краснорожий благожелательно осклабился.

– Шапочно, – ответил Беллогорский и отобрал билет. – Куда мне пройти?

– В конференц-зал, на втором этаже.

Антон вошёл в здание, спившийся сокол крикнул ему вдогонку:

– Гардероб – сразу направо, за углом! У нас принято снимать верхнюю одежду!

«Обойдётся», – пробормотал Беллогорский себе под нос и начал подниматься по лестнице как был – в грязно-коричневой, будто заплеванной, куртке и вязаной шапочке «Seiko». Поднимаясь, он намеренно разжигал в себе негодование: «Что творится! Явные фашисты – и пожалуйста! помещение в центре города, милиции нет... Рано или поздно доиграемся!» На втором этаже его встретила очередная гимнастёрка. В руках у воина был изящный серебряный поднос с канале и фужерами, полными белого вина.

– Только куртку придётся оставить внизу, – молвил угощатель с вежливым сожалением, но непреклонно.

Антон сбился с шага. Вином его пока еще нигде не встречали. После двухсекундного раздумья гонор слетел с него, и Беллогорский, голый и беззащитный без гонора, покорно отправился в гардероб. Оставшись в нестиранном свитере, он вновь поднялся по ступеням, где строгий встречающий с лёгким поклоном пригласил его выпить и закусить. Антон взял увесистый фужер, неловко подцепил канapé и оглянулся, не зная, куда со всем этим податься. Бесстрастная гимнастёрка терпеливо ждала. «Он ждёт фужер», – догадался Беллогорский, быстро и некрасиво выпил, поставил пустую посуду на поднос и с канapé в руке проследовал в конференц-зал. Там к тому времени собралось уже много народу – в основном, типичные неудачники, исправные читатели «Из рук в руки» – газеты бесплатных объявлений. Затрапезный вид этих людей возбуждал почему-то желание немножко изменить заголовок и зарегистрировать газету под более справедливым названием – «Из брюк в руки». Динамик величиной с добрый комод гремел незнакомым маршем. Ликующие литавры, барабаны и победоносные трубы наводили на мысли о седобородых вояках со шрамами, затупившихся мечях и ратной доблести как форме осмысленного бытия. Мелодию Антон слышал впервые, зато слова на музыку ложились какие-то знакомые. Что-то из школы... Чёрт побери, да это же Блок! «О, весна без конца и без края! Без конца и без края мечта! Узнаю тебя, жизнь, принимаю! И приветствую звоном щита!»

«Однако! – покачал головой Беллогорский. – Вот так гимн!» Он уже хорошо знал, что все без исключения проходимцы, создавая компанию, выбирали в качестве гимна какое-нибудь популярное, заводное произведение. Главное, чтобы клиент очутился на территории мошенников, а там уж ему будет трудно отбиться. Тот же «Гербалайф» весьма, помнится, удачно использовал вокально-инструментальные достижения Тины Тернер, которую любили, разумеется, не все, но которая заводила многих. Но «УЖАС» рискнул придумать нечто оригинальное, своё, и марш – надо отдать ему должное – не подкачал в смысле музыки. Стихи, конечно, пребывая вне времени, критическим нападкам не подлежали.

Антон поискал себе свободное место – чтоб было не слишком далеко и не слишком близко. На заднем ряду ничего не услышишь, а с первого могут запросто дёрнуть на сцену для какой-нибудь идиотской демонстрации. Он был сыт по горло подобными трюками – ему неоднократно мазали рожу лечебными кремами, опрыскивали сексуальными духами и вовлекали в показательные, оскорбительные для человека дискуссии. Место ему нашлось – в восьмом от сцены ряду, с краю. Устроившись поудобнее, голодный Беллогорский проглотил, не жуя, канapé и начал глазеть по сторонам.

Всё вокруг наводило на мысль об очередном жульническом шабаше. Всё, кроме нескольких мелочей – пресловутого бесплатного подноса, военной формы хозяев и... да, конечно! Сцена была абсолютно пуста, если не считать обязательного для всех таких собраний микрофона, вещи понятной и уместной. До сих пор первым, что бросалось в глаза Антону на презентациях, было изобилие образцов продукции. После всегда предлагался один и тот же сценарий – сперва немного рассказывали об исключительных достоинствах этой продукции, потом – о фантастической прибыли с её оборота: только и знай, что впаривать ее лохам с утра до вечера. Здесь же не было ничего. «Неужели раздавать газеты?» – подумал Антон в недоумении. Дальше этого предположения его неразвитая фантазия не шла. Он внезапно почувствовал себя не в своей тарелке при виде задника, изображавшего знакомые сердце и череп. Всмотрелся в лица сотрудников «УЖАСа» – ни одного образчика классической красоты – либо воплощённая серость, либо очевидное безобразие. Тоже странно. Обычно организаторы мероприятия старались преподнести себя повыгоднее и выставляли на всеобщее обозрение наиболее привлекательных негодяев. В этот момент музыка неожиданно смолкла, и воцарилась напряжённая тишина. Приглашённые тупо смотрели перед собой, некоторые осторожно обменивались бессмысленными замечаниями. Ожидание длилось недолго: динамик вдруг рявкнул, и хозяева массовки, до того момента сидевшие, развалясь, и якобы болтавшие о пустяках,

вскочили на ноги, вытянулись по струнке и испустили короткий, нечленораздельный и воинственный вопль. Их целеустремленный вид впечатлял, поэтому гости тоже зачем-то поднялись со своих мест и замерли в нерешительности, хотя никто не призывал их вставать. Только стойка «вольно» в какой-то степени извиняла их единодушный порыв. Антон Беллогорский ощутил, что ноги его самостоятельно, помимо воли, выпрямились, и он тоже стоит. Рёв из динамика нарастал, потом резко оборвался, и послышалась барабанная дробь. Сзади затопали; зрители начали оборачиваться – по проходу к сцене шли шестеро знаменосцев с седьмым – барабанщиком – во главе. В складках обвисших бархатных знамён угадывалась уже знакомая анатомическая композиция. Грозно печатая шаг, знаменосцы поднялись по ступенькам, выстроились в шеренгу и дружно стукнули древками о деревянный пол. Тут же вернулся недавний жизне-радостный марш – слова Блока, музыка народной революции. На сцену вышел упакованный в форму жердья и отрывисто махнул рукой невидимому дирижёру. Звук приглушили, ведущий вытянул руки по швам и звонко объявил:

– Дорогие гости! Уважаемые дамы и господа! Наше общество горячо приветствует всех собравшихся! Имею честь предоставить слово теоретику нашего движения! Вы услышите уникального человека, незаурядного руководителя, не побоюсь сказать – выдающегося мыслителя наших дней! Приветствуйте – господин Ферт!!

Жердья, произнося вступительное слово, забирал всё выше и последнюю фразу произнёс в диапазоне, близком к ультразвуковому. Оглушительная музыка хлынула в зал; под грохот аплодисментов по ступеням пошёл высокий полный субъект, который был одет в гражданское платье – строгую синюю двойку с еле заметной искрой и галстук. Человек, изображая лёгкое смущение от незаслуженных похвал, приблизился к микрофону, где ни с того, ни с сего похлопал багровому от счастья конферансье, тут же стал очень строгим и властным и отеческим жестом попросил публику прекратить огорчительный подхалимаж. Аплодисменты быстро стихли, Ферт удовлетворённо сверкнул круглыми очками.

– Как много вас, любезные сограждане! – сказал он громко. Голос у кандидата наук был сытый, душевный. – Не знаю, как нам и быть! Мы не ожидали такого наплыва...

К Антону вернулась способность судить об окружающем здраво. Тем более, что он снова слышал нечто родное, давным-давно надоевшее. «Нашёл дураков! Не ожидали... Вам чем больше, тем лучше. Примитивный приемчик для домохозяек...» Ферт озабоченно потёр руки:

– Впрочем, дело не терпит, давайте начнём. Все вы пришли сюда потому, что каждого из вас не устраивают те или иные жизненные обстоятельства. Имея за плечами некоторый опыт, я скажу с уверенностью, что в подавляющем большинстве случаев во всем виновата тяжёлая финансовая ситуация. И потому, – Ферт слегка наклонился вперёд и значительно поднял холёный палец, – я сразу объявляю всем присутствующим, что наша организация в состоянии обеспечить вам прожиточный минимум. Причём не тот, который принято считать официальным... Кроме того, чтобы развеять неизбежные подозрения, отмечу особо, что никаких вступительных взносов у вас не попросят.

Антон Беллогорский сидел, наострив уши. Он ничего не понимал. Мошенничество было налицо, но прежде он ни разу не слышал, чтобы проходимцы столь прямо и откровенно отказывались от поборов. Где же зарыта собака? Без собаки не бывает, изъятие денег у безработных баранов является основой существования всякого общества, которое позволяет себе ежедневные «открытые двери». Неужели он ошибся? Неужели – не пирамида? Нет, невозможно. Антон огляделся по сторонам; на лицах соседей было написано такое же, как у него, недоверие. А также – помимо недоверия – другие чувства: раздражение из-за того, что в кои-то веки раз их вынуждают чуточку подумать, а не спать, полуживая надежда вытянуть счастливый билет, да тяжкая мука по причине самого мыслительного процесса – непривычного и нежелательного.

Ферт, повидавший виды, читал их примитивные мысли легко и свободно.

– Это никакие не сказки и не обман, почтенные сограждане. Кое-какими средствами мы располагаем – не скажу, что уж слишком большими, но всё же, всё же... Во-первых, у нас есть щедрые спонсоры из тех магнатов и нуворишей, которые нам сочувствуют. Такие люди были и будут всегда. Вот, например, – и Ферт неожиданно заворковал по-иностранному. Не то по-английски, не то по-французски, а в целом – весьма невразумительно – он перечислил с десятков компаний и фирм. Никто, разумеется, не разобрал ни слова. Аудитория вновь насторожилась; кандидат наук поспешно перешел ко второму пункту. – Во-вторых, – доверительно сообщил Ферт, – мы зарабатываем деньги самостоятельно. Вам хорошо известно, что только в мышеловках встречается бесплатный сыр, а потому спешу вас заверить – ничто не свалится на вас за просто так, с неба, задарма, и поработать придётся. Я говорю о совершенно конкретной, общественно полезной работе.

– Чё делать-то надо? – крикнул кто-то пьяненьким голосом с заднего ряда.

– Вам, боюсь, ничего, – с легкостью осадил его Ферт. – Конкретно вы мне показались в этом зале посторонним, и я настоятельно прошу вас удалиться.

Зал накрыла тишина. Никто не двинулся с места, никто даже не шелохнулся. Ферт, немного выждав, укоризненно нахмурился и посмотрел на одного из распорядителей. Двое в гимнастерках устремились в конец зала, склонились над чем-то бесформенным в третьем от стены кресле и очень тихо произнесли несколько фраз. Расхристанная фигура, выбравшись из кресла, проследовала, тиская мятую шапку, нетвёрдой походкой к выходу.

– Прошу прощения, – извинился Ферт и продолжил: – Итак, мы остановились на предмете нашей активности. Возможно, кто-то из вас решит, что я в сугубо деловой беседе допускаю излишний пафос, но этого пафоса требует тема. Я говорю о самой жизни – ведь именно жизнь есть предмет нашего поклонения и нашего служения. Вы спросите: но как же это может выглядеть на деле? Но мой ответ пугающе прост: мы боремся за жизнь повсюду, где в этом возникает необходимость. Хосписы, больницы, профилактории, диспансеры, тюрьмы, суды, собесы – короче говоря, множество учреждений, от деятельности которых так или иначе зависит человеческая жизнь, находится под нашей неусыпной опекой. Не остаются без внимания одинокие пенсионеры, ветераны и инвалиды. Всюду, где только возможно, мы боремся за жизнь. Это тяжёлый труд, и он, конечно, должен быть достойно оплачен. Несколько лет тому назад был учреждён специальный фонд, на средства которого, главным образом, и ведётся наша благородная деятельность. Мы остро нуждаемся в помощниках – а откуда же нам их взять, как не из многочисленной армии безработных? людей, которые не понаслышке знают, почём фунт лиха?

Против слов Ферта трудно было что-либо возразить. Антон Беллогорский, к примеру, с возражениями не нашёлся. Ферт между тем счёл нужным доказать прописные истины. Он подошёл к краю сцены, сел на корточки, начал наугад тыкать пальцем в зал и требовать от зрителей сведений об их заработках. Ещё он спрашивал у гостей, приносят ли им их работа – если, конечно, она у них ещё осталась – чувство морального удовлетворения. Большинство, как и следовало ожидать, ни тем, ни другим не могло похвастаться. Тогда кандидат наук, как будто неожиданно пресытившись, выпрямился; дружеская улыбка на ухоженном лице сменилась улыбкой торжествующей. Ферт повелительно щёлкнул пальцами, снова грянул послушный марш, а на сцену тем временем гуськом потянулись аккуратные, подтянутые сотрудники «УЖАСа». Всего их набралось двенадцать человек; Ферт, изнемогая от предвкушения триумфа, раскатисто воскликнул:

– Расскажите гостям, дорогие коллеги! Расскажите им кратенько, что и как изменилось в вашей жизни после вступления в наши ряды!

Вперёд шагнул белобрысый молодой мужчина лет двадцати шести – двадцати восьми. Ростом он был с Антона, лицо покрывали следы былых отчаянных сражений с гормональными чирьями.

– Моя фамилия – Коквин, – звонким голосом обрадовал он зал. – Вот уже четыре с половиной месяца, как я состою в «УЖАСе». Сейчас я даже не в состоянии представить себе, что когда-то – в точности, как вы сегодня – сидел в этом же самом зале и про себя посмеивался над выступавшими. Я не поверил ни единому слову, но у меня не было выбора. Я не сомневался, что с меня потребуют денег, чтобы заплатить вступительный взнос. Когда я услышал, что платить не надо, то подумал: «Что я теряю? Что я теряю, черт подери?!»

На самовозбуждённого Коквина обрушились аплодисменты. Он их сердито, будто приходя постепенно в себя, выслушал и, состроив суровую мину, поднял подрагивающую руку, как если бы числился по статусу не ниже Ферта, но позабыл об этом в пылу откровенности.

– И вот моя жизнь совершенно преобразилась! – закричал вдруг Коквин. – Я нахожусь среди друзей – это раз! Я чувствовал себя ненужным и униженным, но теперь я с гордостью заявляю, что я, в отличие от некоторых, жив – это два! Я помогаю людям сохранить и улучшить их жизнь, я не позволяю врагу к ним приблизиться – это три! Я зарабатываю хорошие деньги – это четыре! – Побагровевший Коквин выхватил из кармана галифе пачку чеков и потряс ими в воздухе. Ему снова, уже в три раза громче, захлопали.

Антон Беллогорский слушал выступление Коквина скептически. Кое-что, к тому же, показалось ему непонятным. Что это за «некоторые», в отличие от которых Коквин жив? Что, собственно, он хочет этим сказать? И о каком он говорит враге?

...Вслед за Коквиным выступил кудрявый, дёрганый, веснушчатый тип, назвавшийся Муравчиком. В рот Муравчику набилась, видно, каша, но чёткая артикуляция оказалась не так уж важна. Обрушив водопад эмоций в исполненную сонного сарказма трясину зала, он бодро уступил место третьему. Вышел косноязычный толстяк по фамилии Свищев – этот ухитрился, вынимая свои чеки, рассыпать их по полу. Ферт сперва разгневался, но тут же догадался использовать неловкость в интересах шоу и преподнести её как следствие понятного, естественного волнения, как доказательство искренности оратора. Содержанием выступления почти не отличались друг от друга, и их тайная сила заключалась в краткости и безыскусно разыгранном возбуждении. Ферт хорошо это знал.

– Ну, простите их, – попросил он зрителей, когда, под овации единоверцев, вся честная компания удалилась со сцены. – Пожалуйста. Это же не профессиональные актёры. Они очень волнуются. Будьте к ним снисходительны. Главное то, что вы сейчас слышали чистую правду. И далее я попрошу вас проявить ещё большую чуткость и терпимость. Теперь я приглашу на сцену несколько человек, которым наша организация – как они сами считают – серьезно помогла. Угроза жизни этих людей была вполне реальной, но мы сумели отвести её на некоторое время... Пожалуйста, присоединяйтесь к нам и приветствуйте их вместе с нами!

Зал отреагировал на просьбу довольно сдержанно. Распорядители вывели, поддерживая под руки, древнюю старушку в пестром платке и толстой кофте. Ферт поднёс бабушке микрофон, та приняла его дрожащей рукой.

– Евдокия Елизаровна! – обратился к ней Ферт проникновенно. – Расскажите нам, как вы сейчас себя чувствуете. Как живёте, как питаетесь... Как вообще протекает ваша жизнь! Прошу тишины в зале... – добавил он, хотя в зале по-прежнему стояла недоверчивая тишина, отчасти сдобренная свистящим дыханием.

– Ох, миленькие мои, – прошамкала Евдокия Елизаровна. Она не то качала, не то трясла головой. – Вашему «УЖАСу» дай Бог здоровья... Я же одна живу, пенсия сто четыре рубля. А ноги не ходят совсем, спина отваливается. В голове поросята хрюкают – гук! гук! гук! В магазин не выйти, комната не убрана. Соседи, прости Господи, все пьяницы, проходу не дают...

– Так, Евдокия Елизаровна, – сказал терпеливо Ферт. – Хорошо. Но это все было раньше. И что же изменилось?

– Так всё изменилось, – старушка с детским удивлением развела руками. – Ребятки, спасибо им, и приберут, и в за хлебом сходят, и в аптеку... Соседей, обидчиков моих, поприжали...

Слов у Ферта не было. Он безмолвно описал рукой полукруг, поклонился и первый захлопал в ладоши. «О весна! Без конца и без края! Без конца и без края мечта!» – завопил динамик. Поднялся лес гимнастёрок, все дружно, ритмично рукоплескали.

Антону показалось, что Ферт умышленно пригласил окружающих ликовать, не позволяя Евдокии Елизаровне углубиться в самую суть и рассказать, как именно поприжали ее обидчиков. Но дальнейшее показало, что он ошибается: организация Ферта ничуть не стремилась приуменьшать опасность и рискованность своей деятельности. Это выяснилось из рассказа следующего выступающего.

После старушки на сцене появился респектабельный пожилой мужчина. Он оказался бизнесменом, который получал очень серьёзные угрозы от конкурентов. «УЖАС» помог и ему – уладил все дела с МВД, с которым работал в тесном и даже творческом, как принято выражаться, контакте, выделил телохранителей. Именно последние в лихую минуту защитили предпринимателя от пули – благодарный бизнесмен на глазах у публики выписал Ферту крупный чек и крепко пожал руку. Потом пригласили замкнутую, оробевшую девицу – несколько недель тому назад её угораздило попасть под колёса полупьяной «девятки». Понадобилась кровь – «УЖАС» успел и тут: немедленно выслал доноров, и жизнь несчастной была спасена.

«Нечто вроде службы „911“», – подумал Антон Беллогорский. В общем, не так уж плохо. Отчего бы и не попробовать? Военная форма, конечно, немного смущает. И вся эта из пальца высосанная идеология – на кой она дьявол? Он, понятное дело, об этом подробненько расспросит, прежде чем принять окончательное решение. Но в целом впечатление у него, скорее, благоприятное. Хорошо, что говорить ему предстоит с самим Фертом. Если он, Антон Беллогорский, наденет форму «УЖАСа», то пусть уж лучше в учителях у него будет человек с понятием, а не какой-нибудь маловажный Коквин или Свищев. Да, придётся хорошенько подумать. Возможно, Париж стоит мессы.

Это выражение было у Беллогорского одним из самых любимых. Когда он так говорил или думал, это означало, что решение уже принято.

3

Шоу подошло к концу. Ферт громко объявил, что все желающие могут теперь подойти к сотрудникам, чьи имена значатся в приглашениях, и обсудить детали. Зал загудел; часть зрителей ушла, не попрощавшись – не считая тех хамов, что покинули зал ещё во время представления. Оставшиеся разбились на застенчивые группки, окружив хозяев праздника. Антон, поколебавшись, направился к Ферту, который сидел, закинув ногу на ногу, в первом ряду и принимал своих крестников в порядке живой очереди. Тех было человек пять-шесть, каждому он предлагал заполнить какую-то анкету. Заполнять её никто почему-то не хотел, а потому Ферт преспокойно, с вежливой улыбкой, советовал излишне осмотрительным соискателям попытать счастья где-нибудь в другом месте. Сам он, в свою очередь, не желал ничего объяснять и оставался непреклонен. Ругаясь, обиженные гости уходили не солоно хлебавши. Ферт продолжал беззаботно улыбаться, обнаруживая полную незаинтересованность в чересчур осторожных сотрудниках. Таким образом, Антон Беллогорский остался в неприятном одиночестве. Он посмотрел по сторонам: немногочисленные гости из отчаянных сидели, склонившись над листами бумаги. Антон глубоко вздохнул и поздоровался. Ферт сердечно закивал и протянул ему анкету:

– Не сочтите за труд заполнить.

– Да, но я сперва хотел бы...

– Пожалуйста, возьмите анкету, – повторил, словно не слыша, Ферт.

Антон взглянул на него, потом оглянулся на выход – и взял. Ферт, вместо того, чтобы радоваться тому, что хоть кто-то согласился на его условия, озабоченно посмотрел на часы.

– У вас десять минут, – известил он Антона. – Достаточно?

– Наверно, – пожал плечами Беллогорский, устроился через три кресла от инструктора и принялся изучать текст. Наглые, однако, вопросы. Национальность. Вероисповедание. Образование. Профессия. Возраст. Адрес. Индекс. Телефон. Партийность. Группа крови. Спортивный разряд. Печатные работы. Ученые степени. Награды. Судимости. Знание языков. Специальные навыки. Вредные привычки. Семейное положение. Размер ежемесячного дохода. Сдерживаемые эмоции. Тьфу ты, холера! Какая гнида это составляла? Не нужно ли отпечатков пальцев? сетчаткой не интересуетесь?

– А куда всё это пойдёт? – осведомился Антон, перегибаясь через ручку кресла.

– Порву при вас, – улыбнулся Ферт. – Видите ли, я раскрываю карты лишь потому, что вы взяли анкету. Согласитесь – какой смысл тратить время на пустых, трусливых людей, которые её боятся даже взять – только взять, не заполнить! Полное отсутствие любопытства даже перед лицом голодной смерти. Человек – могильщик своего будущего... – При слове «могильщик» лицо Ферта непроизвольно исказилось, однако сразу же вернулось к прежнему выражению.

– Так может быть, и заполнять не надо? – спросил Антон. – Если вы всё равно порвёте, почему нельзя устно?

– Легче прочитать – тогда сразу видно, на что обращать внимание в первую очередь и как строить беседу, – возразил Ферт уже с нотками неудовольствия. – Не хотелось бы в вас разочароваться – смелее! Осталось всего пять минут.

Антон махнул рукой и подчинился. Он трудился не пять, а целых пятнадцать минут, но Ферт ни разу его не поторопил и не сделал выговора, когда тот, наконец, вручил ему исписанный лист.

– Очень неплохо, – похвалил Беллогорского инструктор и щёлкнул ногтем по листу, едва не проделав в нём дырку. – Сразу ясная картина! – он выхватил красный карандаш и стал энергично подчёркивать: – Среднее образование, полуеврей-полубелорус с татарскими вкраплениями, беспартийный, ни навыков, ни наград, степеней не имеет, в плену не были, в Бога не верите и вдобавок затаили злобу решительно на всех. Типичный невостребованный полукровка без предметов гордости. Мне кажется, вам у нас понравится. Вы постучались в нужную дверь.

– По-моему, вы всем так говорите, – Антон натянуто усмехнулся.

– Только тем, кто заполнил анкету, – рассмеялся Ферт и, как и обещал, разорвал его труд на восемь частей. – Итак, вы любезно ответили на наши вопросы. Я полагаю, у вас вопросов тоже накопилось достаточно – теперь вы можете с чистой совестью их задать.

Беллогорский немного подумал.

– Ну... вот, например, насчёт телохранителей... Один на сцене говорил, что к нему телохранителей приставили. Пули там всякие... Предупреждаю: я на мясо не гожусь. Физическая подготовка оставляет желать... в общем, вы понимаете.

– Конечно, понимаю. Никто вас под пули не отправит. Мы же не идиоты и видим, кто для какой работы создан. Фронт работ широк.

Беллогорский с облегчением вздохнул.

– Почему ваши люди носят военную форму? – уже смелее и нахальнее спросил он, слегка прищурясь и ощущая себя в барственной роли покупателя, который пока не решил, брать ему товар или нет.

– Во-первых, форма дисциплинирует, – Ферт отвечал совершенно спокойно, ни капли не смущённый вопросом. – Если людей, которые кровно заинтересованы в сохранении своего места, ещё и по-военному организовать, им не будет цены. Во-вторых – в силу очевидной необ-

ходимости. Если существует враг, с ним полагается сражаться. Если нужно сражаться, следует позаботиться о войске. А войско предполагает ношение военной формы. Согласны со мной?

– Это само собой, – согласился Антон. – Надо же – вы сразу, не дожидаясь меня, перешли к следующему вопросу. О каких это врагах вы говорите? Учтите, что я под пули... – завел он снова.

Ферт снял очки и сунул дужку в широкий лягушачий рот.

– Враг, безусловно, необходим, – признался он тихо и серьезно. – Без врага не обходится ни одно предприятие – разве что противник очень искусно замаскируется. Человек всегда и везде испытывал потребность в ненависти. Ненавидят иноверцев, инородцев, иностранцев, классовых противников. На самом деле это чувство – которое какой-то дурак назвал ксенофобией – является мощным стимулом, двигателем прогресса. Не приходилось сталкиваться с подобной точкой зрения? Не приходилось. Ну, ладно, тогда просто примите к сведению. «УЖАС» тем и выделяется, что не наносит своей ненавистью никакого вреда окружающим.

– Это как же? – осведомился заинтригованный Антон.

– Вы ещё не догадались? Давайте снова: вы – ничтожны. Вы не имеете никаких заслуг. Вам абсолютно нечем гордиться – ни кровью, ни Родиной, ни верой, ни родословной. У вас есть только жизнь, и сверх того – ничего. Кто же, в таком случае, враг живому? Вижу, что вы наконец-то сообразили. Совершенно верно: наши враги – это мёртвые.

4

Поздно вечером Антон долго стоял перед окном и, словно замороженный, всматривался в темный октябрьский двор. Там было безлюдно; холодный ветер неслышно покачивал взъерошенные голые ветви и лениво гонял по чёрной земле опавшую листву. Одиноким фонарь высвечивал недоломанную скамейку, тоже одинокую. Их тандем напомнил Антону больницу, где он был всего один раз в жизни. Будто освещено желтое операционное поле, пациент крепко спит, а полумрак, окружающий сцену, предвещает операции печальный исход. Впрочем, там было светло... картина, скорее, напоминает покойницкую.

Антону были хорошо видны и мелкий сор под скамейкой, и ворох грязно позолоченных листьев. Фонарь чуть дрожал на ветру, границы тьмы казались зыбкими, подвижными. И в доме, что маячил напротив, одни окна пугающе, навсегда угасали, другие загорались в непонятной механической надежде, не помня прошлого и не зная будущего, а полупустой небесный холодильник являл наблюдателю заветрившийся лунный сыр и мелкие электронные точки звёзд на фоне бесконечной пустоты.

Антон никак не мог собраться с мыслями и окончательно определить место Ферту и его организации. Как бы там не было, он дал своё принципиальное согласие и с завтрашнего дня намеревался приступить к работе в «УЖАСе». Ему положили сто пятьдесят долларов в месяц – от них не смог бы отказаться ни один человек, оказавшийся в столь безвыходной ситуации. Поэтому Антон, скрепя сердце, не стал возражать против странных идей Ферта насчёт мёртвых и их нехорошей роли в жизни общества. Явным криминалом здесь не пахло, да и не смотрят в зубы дарёному коню. В том, что «УЖАС» – подарок судьбы, Беллогорский уже не сомневался.

Когда инструктор нарисовал Антону образ врага, соискатель попросил подробностей. Ферт многословно и талантливо расписал ему все беды, что происходят от мертвецов. Он упомянул беды экономические, напомнив, каких колоссальных расходов требуют от живых поминки, похороны, кладбищенское хозяйство, церковные обряды и пособия вдовам и сиротам – не говоря уже о страшном, невосполнимом уроне, который наносит и без того подорванной экономике сам уход из жизни какого-либо члена общества. Рассказал он и о последствиях психологических – хронических стрессах, тяжёлых заболеваниях с потерей трудоспособности,

попытках самоубийства – что тоже, вне всякого сомнения, отрицательно сказывается на благосостоянии народа. Опять же – если учесть, что истинно верующих крайне мало и вклад их в коллективное сознание невелик – сама по себе постоянная озабоченность по поводу своей неизбежной, необратимой в будущем смерти весьма отрицательно сказывается на людях. Очень много говорил об эстетической стороне дела, всячески живописуя отвратительные проявления смерти, не забыл сказать про трупный яд кадаверин и болезнетворные бактерии. «Да и вообще, – добавил Ферт, доверительно подаваясь к Антону, – есть ли у нас выбор? Быть может, вы хотели бы ненавидеть негров или жидов? Чурок? Гомосексуалистов? Но какие у вас к тому основания? Или тех же коммунистов-демократов-масонов? Опять та же история. Каждый из них по-своему прав... Не забывайте: жизнь – единственное, чем наградил вас Создатель. Этого у вас никому не отнять, кроме смерти. Так используйте то, что имеете, на полную катушку! И тогда вы легко поймёте, что смерть, естественный антипод жизни, обязательно должна сделаться приоритетным объектом вашей врождённой агрессивности».

Антон прислушался к себе – присутствует ли в нём та самая проклятая гордость, основанная на чистой, без примесей, жизни? Удивительное дело – да! Ему удалось различить какое-то смутное, далёкое, бесшабашное удовольствие. Теплое удовлетворение. Бездумную радость инфузории, невинное белковое торжество. Простая арифметика давала законный повод к гордости: достаточно сосчитать живущих ныне и умерших за всю человеческую историю. Последних наберётся гораздо больше – а у меньшинства всегда найдётся оправдание для чувства превосходства. Но главное было не в теоретических обоснованиях. Главное заключалось в чувстве самом по себе, поскольку Антону никогда прежде не приходилось его испытывать – во всяком случае, осознавать. «Вы живы и уникальны, – сказал ему Ферт на прощание. – Не то, что эти разлагающиеся, теряющие индивидуальность органокомплексы». Он прав, если судить беспристрастно! Конечно, своей откровенной простотой позиция Ферта может оттолкнуть интеллектуалов, неспособных и слова сказать в простоте. Но обычному человеку из толпы такие мысли придутся по вкусу. Они доступны, понятны, универсальны, не требуют мучительного анализа, вдохновляют на подвиги, труд и процветание...

Может быть, ему и карьере удастся сделать? Ах, напрасно он так вот с ходу, не подумав, отказался от должности телохранителя! Конечно, телохранитель из него никакой. Но Ферт мог заключить, что он вообще не пригоден к использованию в каких-либо рискованных проектах. Антон почему-то не сомневался, что такие существуют, но держатся в тайне. А Беллогорский не настолько немошен и слаб, как можно с налёта решить! И форма – верно подмечено! – мобилизует, умножает силы... Он сходил в прихожую к зеркалу, которое ещё недавно, утром, трусливо обошёл вниманием. Нет, не так он плох! А в форме будет смотреться и вовсе замечательно. Ведь это же надо – до чего сильна мёртвая сила, если даже очевидный, глаза режущий физический потенциал она способна принизить и внушить холопское ощущение совершенного несовершенства!

Возбуждённый, раскрасневшийся, Антон Беллогорский вернулся к окну. Под фонарём на скамейке кто-то сидел. Незнакомый человек был полностью неподвижен, на лицо его падала тень. Когда он успел появиться – Антон отошёл буквально на полминуты? Человек сидел, выпрямив спину и положив на колени руки в перчатках. Час был поздний; помимо застывшей фигуры во дворе не было ни души – даже собак не выгуливали. Почему-то Антон дал себе слово, что никто, никогда, ни за что на свете не заставит его выйти из дома и подойти к этому типу. Тут он с досадой сообразил: какая дурацкая блажь! никто и не просит его так поступить. Чертыхнувшись, Беллогорский отправился спать.

...Ночью Антон сильно захотел пить, проснулся. В простывшей кухне, глотая из высокого стакана отдающую хлоркой воду, он как бы нечаянно взглянул в окно – скамейка была пуста, и мёртвые листья, словно размножившиеся пешки на доске, подтягивались ветром друг к другу.

Радость Антона по поводу работы плечом к плечу с самим Фертом была преждевременной. Обнаружилось ещё одно отличие от компаний и фирм, с которыми ему приходилось иметь дело прежде: вербовщик, привлекая в «УЖАС» новичка, получал от организации единовременное скромное вознаграждение, но в дальнейшем уже не стриг никаких купонов. «УЖАС» содрал с той же сайентологии лишь форму набора, так называемый рекрутинг – для удобства первой беседы и поощрения активных вербовщиков. «УЖАС» ничего не производил и не продавал, а потому и ощутимых выгод от последующей деятельности новичков начальникам не было. Так что Ферт с лёгкостью определил Беллогорского в звено Коквина.

Антон отметил про себя, что это ещё не худший вариант. Например, угрюмый, пещерного вида Свищев вызывал у него куда меньше симпатий. А в Коквине чувствовался фанатизм – нерассуждающий, тупой – и только. Ни страха, ни почтения он с первого взгляда не внушал. Помимо Коквина, в звено входили Холомьев, Недошивин, Злоказов и Щусь.

Форма уравнивала этих, в общем-то, не похожих друг на друга людей. Лицо Холомьева не оставляло ровным счётом никаких надежд на физиогномически познание личности. Антону никогда не встречалась столь невыразительная, поблекшая рожа. Он затруднился бы вспомнить, спроси его кто-нибудь, какого цвета у Холомьева волосы, какого – глаза. В памяти удержался лишь рот – вернее, то обстоятельство, что рта не было. На месте рта находилась узкая щель для магнитной карты. От Недошивина со страшной силой несло дешёвым одеколоном, а на плечи его гимнастёрки, словно манна небесная, осыпалась перхоть. Лоб и подбородок Недошивина угрожающе выпячивались вперёд, а нос, глаза и губы казались вмятыми в полость черепа мощным резиновым ударом. Злоказов, вопреки традициям «УЖАСа», мог бы гордиться своей внешностью – он был безупречен и прекрасен, как небесный херувим, однако – на свою беду – не ценил и не видел собственной красоты, а значит, подпадал под общее правило никчёмности. И, наконец, оставался Щусь, который в совершенстве соответствовал юркому, мышинному звучанию своей фамилии – был он маленький, увёртливый, с безбровым крысиным личиком и постоянной бессмысленной улыбочкой на губах.

Сделав эти предварительные наблюдения, Беллогорский с горечью представил, каким, в свою очередь, отражается он сам в глазах своих новых товарищей. И почувствовал острый укол злобы – ясное дело, каким. Вот что объединяло шестёрку – одна и та же обида на мир, одни и те же истоки злобы. Без этого светлого чувства их дружный коллектив развалился бы в мгновение ока.

Новому сотруднику Коквин обрадовался.

– Наконец-то, – сказал он и скупой улыбнулся. – А то нас, понимаешь, пятеро. Сидим тут с одним банкиром, а с ним в одиночку непросто приходится, надо по двое. Пришлось установить, так сказать, параллельный график. Ну, да теперь всё будет нормально – три пары, и баста, никакой путаницы.

– А зачем вы с ним сидите? – спросил Антон.

– Узнаешь скоро, не пыли, – буркнул Недошивин. И обратился к Коквину: – Может, сразу и пошлём? Я уже вконец с ним заманался.

Звеньевой ответил отказом.

– График есть график, – заявил он со вздохом. – Раз нарушишь – и пошло-поехало. И он, к тому же, – Коквин указал на Антона, – ещё совсем зелёный. Банкир его быстро сожрёт. Пусть для начала сходит к Польстеру.

Тут пришла очередь Щуся радоваться.

– Правильно придумал, начальник! Польстер – это то, что ему надо.

– Вот-вот, – кивнул Коквин. – Пусть понюхает пороха. А дальше уж будет банкир, никуда не деться. Завтра – моя смена, вместе и поедем.

Недошивин что-то проворчал и отвернулся. Начальство, понятное дело, нигде себя не обидит – даже в «УЖАСе». Коквин обратился к Беллогорскому:

– Теперь пошли обмундирование получать. Тебе как – в торжественной обстановке, или обойдёмся?

– В торжественной – это что значит? – не понял тот.

– Это такая лажа, – раздался голос молчавшего до поры Холомьева. – Из вещевого поднимаемся в зал, пускаем гимн. Ты до трусов раздеваешься, а после все тебе пожимают руку, напутствуют, и ты одеваешься.

– Не надо ничего, – сказал Антон.

– Как хочешь. А тёплые вещи ты взял? – спросил вдруг Коквин.

– Тёплые вещи? Зачем?

Звеньевой рассерженно плюнул.

– Ферт, как обычно, витает в облаках, – заметил он с фамильярностью холопа, осмелевшего в отсутствие барина. – Ну конечно, сам-то форму не носит. Мы же пальто и шубы не надеваем, – объяснил он Антону. – Зимой и летом – одним цветом. Если на улице холодно, поддеваем под гимнастёрку свитер или два, под галифе – кальсоны... понятно? Еще можно шерстяные носки.

Беллогорский встревоженно забормотал:

– Но я же ничего не знал. Мне не сказали...

– Значит, пойдёшь так, налегке, – вмешался Недошивин, выказывая отдалённое подобие удовольствия. Но Коквин взглянул на него осуждающе:

– Мы же все-таки жизнь утверждаем – забыл? Что, если наш товарищ простудится и слегет? И даже погибнет? Не переживай, – сказал он взволнованному Беллогорскому. – Поищем на складе – как-нибудь сегодня перебежёмся. А завтра – завтра уж будь добр, не подкачай. Мы за город поедем.

...С тёплыми вещами вышло не так просто, как хотелось. Ничего подходящего на складе не нашлось, и Антон был вынужден надеть три гимнастёрки вместо куртки, которой отныне отводилось почётное место дома, в платяном шкафу. Он подумал было натянуть обмундирование прямо поверх неё, но получилось слишком уродливо. Новенькая нарукавная повязка с черепом и солнцем немного улучшила настроение; по вкусу пришлись Антону и высокие шнурованные башмаки. Он извивался и изгибался, рассматривая своё отражение в зеркале, а Щусь поминутно глядел на часы, тревожно причмокивал и, в конце концов, не вытерпел:

– Ну, хватит, друг, пора отчаливать. Старик отвратный, душу вынет. На секунду нельзя опоздать. На полсекунды.

– Это что же – мы вроде как сиделками будем? – уже сообразил Антон.

– Вроде! – передразнил его Щусь и саркастически фыркнул. – Как посмотреть. Сиделки у него не задержались – мало тебе не покажется.

Они вышли из подъезда и зашагали в сторону станции метро. Прохожие оглядывались на их повязки, и Беллогорский ловил себя на желании идти со скрещенными руками, прикрывая эмблему ладонью. Он понимал, что это будет выглядеть нелепо, и потому задирал подбородок, а шаг начинал вдруг печатать, хотя в армии никогда не служил и терпеть не мог военных. Привычный к эмблеме Щусь сосредоточенно семенил рядом, размахивая руками. Задышавшись, он на ходу рассказывал:

– Атасно поганый дед. Угодить ему невозможно. Завёл себе, знаешь, тетрадопку, и пишет в неё – кто и во сколько явился, что принёс, да как посмотрел. Не дай бог что-то пообещать и не сделать! Вонь подымется до небес. Попробуй, вякни в ответ!

– А зачем такого обхаживать? – удивился Антон.

– Живой, вот-вот помрёт, – Щусь с осуждением покосился на Антона. – Должны – и всё, и все вопросы побоку. Жизнь – святая штука, её беречь надо.

Беллогорский, никак не ожидавший от пройдошливого Щуся высоких сентенций, смущённо замолчал. Но и Щусь, в свою очередь, испытал некоторую неловкость. Говорил он искренне, однако говорил не до конца, и чувствовал себя обязанным досказать правду.

– Ну, и квартиру обещал оставить тому, кто утешит на старости лет, – признался Щусь. Антон закатил глаза.

– А-а! Вон оно что! С этого и начинал бы!

Его спутник хотел возразить, но не смог, понимая, что иной реакции и ждать не приходилось. Вспомнив, что «УЖАС» чрезвычайно ревностно относится к идейной чистоте движения, Щусь выругал себя последними словами.

– Но ведь не нам же будет квартира? – развил мысль Антон.

– Ха! – только и мог ответить Щусь, качая головой.

– А кому? – не унимался провокатор. – Ферту?

Тут уж Щусь не сдержался:

– Много болтаешь, друг! И к тому же – не по делу. Да Ферт – шестёрка! Над ним – ты знаешь?.. Ладно, забыли. Короче, квартира пойдет движению, а не нам. И не Ферту. Жалованье – как считаешь – из чего тебе заплатят?

– Тоже верно, – Антон охотно пошёл на попятный. – Какое моё собачье дело? Бабки капают – и хорошо.

По дороге к метро напарники не забывали делать добрые дела – подавали попрошайкам, удаляли с тротуара бутылочные осколки, мягко журили малышей, норовивших перебежать дорогу, где не надо.

Им несколько раз попались на пути коллеги, одетые по уставу. Друг друга полагалось поприветствовать вежливой улыбкой и небрежным поклоном; Беллогорский внезапно отметил, что шедшие навстречу сотрудники «УЖАСа» поздоровались с ним от души, не ради протокола, и в сердце его постучалась нежданная весна. Ему наконец-то повезло вписаться в некий клан, стать членом социума – а до вчерашнего дня его раздражало само по себе понятие общества. Колесо кармы всё-таки провернулось – возможно, в последний миг; возможно, тогда уже, когда призрак самоубийства готов был шагнуть за пределы положенной пентаграммы и материализоваться.

6

Польстер оказался древним пергаментным старцем; у него был блестящий сахарный череп и серьёзные, карего цвета глаза, смотревшие невинно и грустно. Жил он попеременно то в постели, то в инвалидном кресле, из квартиры выезжал разве что на балкон.

– Добрый день, товарищи, – озабоченно заявил он с порога. – Товарищ Щусь, вы обещали мне... – Польстер нацепил очки и суетливо полез себе под плед. – Сейчас, сейчас, обождите... – На свет появилась аккуратная тетрабочка, в которой – помимо хронологических данных – мелькнули разноцветные графики. Как выяснилось позже, каждая кривая соответствовала тому или иному сотруднику «УЖАСа» и каким-то труднодостижимым образом отражала эффективность его работы. Антон содрогнулся, уверившись в полном помешательстве старца. Но он ошибался – будь помешательство полным, всё стало бы намного проще. Безумие, однако, затронуло только отношение Польстера к окружающему миру, однако формальная логика нисколько не пострадала.

– У меня тут записано: десять сорок пять, – объявил старик недовольным тоном. – А сами пришли в одиннадцать ноль четыре.

– Мирон Исаакович, – Щусь хотел что-то объяснить, но Польстер остановил его умоляющим жестом.

– Товарищ Щусь, поймите меня правильно, – и в клятвенном заверении он прижал к груди коричневые тонкие руки. – Я не хочу говорить про вас дурно. Но войдите в моё положение! Я, – и Польстер стал тыкать в раскрытую тетрадочку скрюченным пальцем, – я человек старого воспитания, привык к дисциплине. Меня уже не переделать. Если мне сказано ждать кого-либо во столько-то и во столько-то, я не спорю и подчиняюсь. Я планирую свой распорядок дня, испытываю положительные эмоции, во мне просыпается известный интерес к жизни... Однако проходит время, мои ожидания оказываются напрасными – как же мне быть? Плунуть на всё и не брать в расчёт? Но я не могу, вы понимаете, я не могу, – Польстер почти перешел на визг. – У меня внутри всё обрывается, я пью валокордин, мне ничего не помогает...

– Я все понял, – скорбно прошептал Щусь и невольно тоже прижал к груди руки. – Впредь, Мирон Исаакович, это не повторится. Клянусь чем угодно. Вы уж извините – сегодня у нас появился новый товарищ, и мы, конечно, с учетом тяжести и сложности вашего состояния, должны были его подробно проинструктировать. И получилась задержка. Ведь ваш случай особенный, мы не могли привести к вам неподготовленного человека...

Антон только диву давался – откуда взялся у Щуся такой слог? Польстера услышанное удовлетворило, хотя он всячески старался этого не показывать – с недовольным лицом развернулся и молча покатил в гостиную.

– Включи ему Скрябина, – шепнул Антону на ухо Щусь. – Кассета – в кассетнике, а я – на кухню.

Антон деловито обогнал ездока и уверенно вдавил клавишу. Польстер, не обращая на его действия никакого внимания, подъехал к письменному столу, спрятал тетрадочку в выдвижной ящик и запер на ключ. Поморщившись, он потребовал убавить звук, Беллогорский подчинился.

– Как вас величать? – осведомился Польстер начальственным тоном. Из того, что тетрадочку он убрал, Антон сделал вывод, что память у деда отменная и записи он делает из нездоровой любви к этому процессу. Антон назвал; Польстер сделал вид, что не расслышал, и переспросил – уже выше на тон или на два; стажёр отрекомендовался вторично.

– Товарищ Беллогорский, – попросил Польстер умиротворенно, – приоткройте, пожалуйста, дверь на балкон. В комнате нечем дышать.

Антон подскочил к балкону, слишком сильно дёрнул за ручку, державшуюся на честном слове, и та осталась у него в руке.

– Щусь! – закричал дед злобно. – Немедленно идите сюда! Немедленно!

В комнату влетел перепуганный Щусь.

– Вон отсюда! – орал Польстер. – Это форменное издевательство! Я сию же секунду позвоню товарищу Ферту!

– Быстро уматывай отсюда, – прошипел, не глядя на Антона, сквозь зубы Щусь. – Жди меня на лестнице. Живо!

Беллогорский, весь дрожа от ярости, опрометью выскочил из квартиры. Он навалился, тяжело дыша, на перила и с полминуты тупо рассматривал лестничный пролет. Потом, немного успокоившись, закурил, спустился по ступенькам и пристроился на исписанном и облупившемся подоконнике. С ситуацией всё было ясно, с последствиями – нет. Идти ему, в любом случае, было некуда. Оставалось дожидаться Щуся, как Щусь и велел, и Беллогорский запасся терпением. Ждать пришлось довольно долго; за сорок пять минут по лестнице поднялось и спустилось не меньше пятнадцати человек, и каждый смотрел на повязку и форму Антона недобрым взглядом. «Черт меня попутал,» – подумал тоскливо Антон, кляня на все лады услужливый «УЖАС». Наконец, вышел Щусь, в руках у него была огромная продуктовая сумка.

– Погань плешивая, – выдавил из себя он, щуя глаза. – Не бери в голову, он такой номер уже откалывал. Выше нос, коллега! А что ты думал – есть такие дураки, кто за просто так заплатит тебе полторы сотни? Может быть, они под ногами валяются? Я ни разу не видел, а ты? Ну, где они? – Щусь остановился и с глупым видом начал искать у себя под ногами. – Я почему-то не вижу!..

– Он застал меня врасплох, – покачал головой Антон Беллогорский. – Теперь-то я учёный. Ну, не приходилось мне раньше... с такими... в общем, ты меня понял.

Щусь в который раз посмотрел на часы и решительно подтолкнул его:

– Хоть до магазина проводи, раз такое дело. Нет, ты только подумай: вчера забили холодильник доверху. Слон – и тот бы треснул по швам. Сейчас открываю – шаром покати! Ни хрена себе, думаю!

– Может, нарочно в сортир спустил, – предположил Антон, поразмыслив.

– Кстати, запросто, – согласился, прикинув, Щусь. – Или, как недавно, померещились какие-нибудь точки чёрненькие в жратве...

Морозный воздух несколько освежил обоих; до ближайшего гастронома новые тимуровцы дошли в угрюмом молчании.

– А мне куда? – спросил Антон, останавливаясь у входа.

– Не знаю, – пожал плечами Щусь. – Хочешь – загляни на базу. Может, кого и найдешь. Потолкаешься там. А не хочешь – ступай домой. Это, наверно, будет правильнее, отдыхай. У нас же не какие-нибудь церберы, ты же не виноват.

– Не виноват, – повторил вслед за ним Беллогорский. Помедлил и поинтересовался: – Вот ещё насчет идеологии, – он криво и застенчиво усмехнулся, ему было неудобно серьезно беседовать на возвышенные темы. – Эта самая... жизнь, – проговорил он с трудом. – Жизнь и этот старый хрыч – как они друг с дружкой вяжутся с точки зрения конторы?

Лицо Щуса сделалось словно высеченным из мрамора.

– Никогда *т а к* не спрашивай, – сказал он, чеканя слова. – Никогда. Жизнь священна, даже у хрыча, всё остальное – ничто. Есть ещё вопросы?

Антон испуганно замотал головой.

– Тогда я пошёл, – заявил снова знакомый, из мяса и костей, Щусь. – Тебе оплошать простительно, а мне – нет. Ферг мне голову откусит.

Антон поднял руку, прощаясь, и только некоторое время спустя, уже в вагоне метро, ему пришло в голову, что он использовал нацистский жест.

Он вошёл в родную, пропахшую дешевым табаком, тёмную даже днем квартиру, включил свет. Обвёл тоскливым взглядом разбросанные там и сям вещи, невытую посуду, старый календарь на стене. Активным ли, пассивным ли способом утверждал он жизнь в своём собственном доме, но с «УЖАСом» она покамест не имела ничего общего. События последних двух дней воспринимались как сон – неизвестно только, дурной или хороший. Сны, как правило, такими и бывают – неопределёнными в этическом отношении. Во сне и зло не зло, и добро какое-то ватное, и так оно, возможно, заведено на деле от века, и люди, когда умирают, возвращаются в изначальный рай, где зло и добро не познаются, но принимаются в единой совокупности, неразделимые, одинаково благотворные. Беллогорский вспомнил, что человек отводит сну добрую треть жизни, и подумал – с несвойственной ему глубиной мысли – что третью часть жизни человек проживает вне знания плохого и хорошего.

Понедобнее устроившись на продавленном сиденье автобуса, Антон втянул голову в узкие плечи, засунул руки в гарманы галифе и изготовился дремать. Ночью он спал неважнецки: снова привиделось нечто дурацкое, с гоголевскими вкраплениями. Антон был гостем на укра-

инских почему-то посиделках, где собрались всякие размалеванные девицы и утешали свою подругу, которой в чём-то крупно не повезло. Они её баюкали и заговаривали ей зубы до тех пор, пока не уронили прямо на руки какому-то парубку – те моментально обвенчались, небрежно совокупились и куда-то целенаправленно пошли. По дороге молодой супруг грубо ругал новобрачную – всё пуще и пуще; сам же он становился всё гаже, уродливее. Наконец, своими словами он превратил жену в куклу, обломал ей руки-ноги и бодро – будучи уже не поймёшь, чем – зашагал себе дальше, размахивая какой-то частью её тела. На этом месте картина сменилась, и Антон увидел себя самого, одинокого и потерянного, среди неподвижных голографических носов, выменей, голеней и предплечий.

Но в пасмурном Антоновом огне, который угрюмо и лениво жег ему сердце, виновен был не только мерзкий сон. Перед тем, как лечь, Антона угораздило вновь – совершенно случайно – поглядеть в насыщенную черноту окна. Он, между прочим, успел напрочь позабыть о своём вчерашнем наблюдении, но вспомнил о нем очень быстро – в ту же секунду, когда опять узрел на холодной скамье неподвижный силуэт с затененным лицом. Мысль о совпадении Антон отбросил. Совпадение чего и совпадение с чем? Оцепеневшая фигура приковывала взор и наводила страх. От всей души желая себе не смотреть повторно, Антон отвернулся, сосчитал до пяти и снова бросил осторожный взгляд на окно. Скамейка опустела, россыпи желтых присмиривших листьев были покрыты тончайшим слоем первого снега.

И подремать в автобусе никак не получалось – глупые страхи питали и умножали и без того невесёлые думы. Антон открыл глаза и обречённо уставился на запись, сделанную чернилами по обивке переднего кресла. Слова «Ingermanland» и «Annepnerbe» красовались в окружении варварских разрезов и просто дыр. Беллогорский видел подобное не впервые, но не имел представления, кто и зачем это пишет и режет.

Коквин сидел по левую руку от Антона и занимался дыхательной гимнастикой по какой-то незнакомой широким кругам системе. Лицо его было абсолютно спокойно, веки полуприкрыты, кисти ровно и неподвижно покоились на коленях. Ритмично раздувались ноздри, мерно вздымалась и опускалась отутюженная гимнастерка, увешанная неизвестными пока Антону знаками отличия. Возможно, это были какие-то награды. По бокам грудной клетки были аккуратно протянуты два тонких кожаных ремня, замыкавшихся на тугий пояс. Смотреть на звеньевое было не очень приятно, и Антон переключил внимание на окно, за которым увидел мокрый хвойный подлесок и свежий снег-полуфабрикат. Автобус разогнался, но пейзаж не баловал разнообразием. В памяти Беллогорского всплыл намозоливший глаза домашний натюрморт, и он подумал, что пейзажисты – народ тоже ограниченный и убогий. Секундой позднее Антон – одновременно и тревожно, и лениво – попытался вообразить, что ждёт его впереди. Была у него такая скверная привычка – время от времени уноситься памятью в былое, вспоминать себя в какие-то определённые день и час и делать безуспешные попытки воспроизвести незнание сегодняшних событий. Он старался не заглядывать в прошлое слишком далеко, иначе груз уже свершившегося будущего становился непомерно тяжёлым. Если его ненароком заносило в годы отрочества, то немедленно, без всяких усилий, возвращалось ощущение театральной премьеры, когда свет уже погашен, занавес освещён огнями рампы и вот-вот поднимется, сопровождаемый пением скрипок. При мысли о том, что случилось с ним в последующие годы, Антон стискивал зубы в ярости и тоске. В пятнадцать лет, ожидая подъёма занавеса, он никак не предполагал увидеть за ним раскалённое сердце, уничтожающее своим появлением чёрный череп. Вот и теперь: что вспомнится ему – не скажем, что через десять лет, но хотя бы сегодняшним вечером? Но ко времени, когда ответ уже будет получен, сей праздный вопрос окончательно утеряет смысл.

До больницы было около часа езды. На берегу моря, среди сосен, расположился полусанаторий-полухоспис. Отведённое под хоспис крыло соорудили, исходя из неприкрытых коммерческих соображений. Сутки в отдельной палате, с уходом и кормлением, стоили баснословно

дорого, но для пациента, к которому ехали Коквин и Беллогорский, это не имело никакого значения. Во-первых, он был видным банкиром, а во-вторых, для него больше – по причине заболевания – вообще ничто не должно было иметь значение. Но с последним мог согласиться лишь человек наивный, с банкиром не знакомый. Потому что на деле для банкира имело значение решительно всё, и в этом Антону предстояло убедиться на собственном опыте.

Ранним утром, принимая Беллогорского в центральном офисе, Коквин провёл детальный инструктаж. Щусь немного приукрасил положение вещей, когда заявил, что Антону, как новичку, ничего не сделают. Его не урезали ни в деньгах, ни в правах, но выговор был настолько суровым и жёстким, что, право, Антон лучше бы заплатил какой-нибудь штраф. Или позволил бы себя высечь.

Коквин, разбирая его поведение, давал понять, что случись такое ещё хотя бы раз, к виновному применят санкции исключительно строгие. Пускай он ни разу не упомянул смертную казнь – могло тем не менее показаться, будто он, пока ещё в иносказании, с неумолимой неизбежностью вытекает из его слов.

Поэтому настроение Антона было напрочь испорчено. Закончив выговаривать, Коквин подробно рассказал ему о своенравном банкире. Выходило, что под Петербургом, в курортной зоне, обосновалось мифическое чудовище, взалкавшее ежедневных кровавых жертв. Дни (кто знает? может быть, и часы) монстра были сочтены, но ему самому никто об этом не говорил. Похоже, он был до зарезу нужен кому-то важному, этот банкир. О высоте его положения можно было судить уже по тому, что в посетителях у него значились губернатор города, несколько депутатов Федерального Собрания, вице-премьер и прочие авторитеты. Он был нужен если не живым, то во всяком случае, полным надежд на выживание. Это позволяло высосать из него дополнительно ещё сколько-то денег; Антон не сомневался и в мотивах «УЖАСа» – предприимчивый Ферг вряд ли прошёл бы мимо такой соблазнительной возможности урвать побольше. И вот семидесятилетний бизнесмен, страдавший поначалу раком предстательной железы, а вскорости – и раком практически всех внутренних органов, включая позвоночник, лежал без движения, полностью парализованный, не способный пошевелить ни рукой, ни ногой, и требовал знаков внимания от многочисленной армии крепостных. Его уголовно-феодалное мышление нашло, наконец, благодаря болезни, наилучшее практическое применение. Чуть что было не так, деспот приказывал соединить его с кем-либо из великих и, жалуясь на дерзких ослушников, нагло и упоенно врал – соответствуй действительности хотя бы четверть его претензий, виновники были бы достойны пожизненной ссылки на урановый рудник. А потому не приходилось удивляться тому, что в конечном счёте все до последнего, даже самые нищие сотрудники больницы не соблазнились посулами и наотрез отказались иметь дело с хулиганствующим барином-смертником.

Врачи и медсёстры с непроницаемыми лицами, молча, оказывали ему положенные услуги, но не больше. Это напоминало «итальянскую забастовку» – «от и до, и ничего сверх оговоренного в трудовом договоре». Что касалось сиделок, массажистов, методистов и психологов, то все они разбежались, и банкир очутился в положении, когда некому было вынести за ним судно. Но он не извлёк из случившегося никаких уроков, и только яростно названивал в правительство.

Всё больничное окружение откровенно желало ему скорейшей смерти, но та не шла, а пациент пребывал в полной уверенности, что рано или поздно поднимется на ноги. На фоне прочих помощников «УЖАС» повергал медицинских работников в благоговейное изумление: терпению и выдержке его сотрудников не было предела, и неказистые лицами, но в форме весьма привлекательные молодцы хотя и сетовали порой на очевидные трудности, искренне желали своему подопечному долгих лет жизни. Однажды некий санитар попробовал рассмешить их предводителя циничной, грубой шуткой, имея в виду напрасные упования пациента на выздоровление. Звеньевой (им в тот день оказался Свищев) посмотрел на шутника таким

взглядом, что тот моментально сник, а через пару дней и вовсе подал заявление об уходе, не объясняя причин.

...Час пролетел быстро; Коквин тронул Беллогорского за плечо. Антон выбрался в проход и некоторое время топтался без дела, так как почти все пассажиры выходили у больницы, и образовался затор. Потом, уже стоя снаружи, он проводил взглядом озабоченную, деловитую вереницу людей, нагруженных сумками и пакетами. В глубине души Антон заранее им позавидовал – несмотря на печальные обстоятельства, неизбежно сопряжённые с посещением лечебных учреждений. У входа их встретил Недошивин, и по лицу его несложно было догадаться об изнурительной, бессонной ночи. Коквин учтиво поздоровался с ним за руку, потом поздоровался и Антон. Недошивин протянул ему руку небрежно, глядя не на него, а на звеньевского.

– Докладывай, – приказал Коквин и пригладил ладонью жидкие светлые волосы.

– Клиент безнадёжно плох, – отозвался Недошивин. – Врач считает, что состояние ухудшилось. Возможен любой вариант.

– Даже сегодня? – Коквин изогнул бровь. Антон уловил в его вопросе – наряду с понятным страхом допустить смерть клиента – необычное возбуждение.

Недошивин мрачно шмыгнул носом и кивнул.

– Может, через пять минут; может, через неделю.

Коквин презрительно скривился:

– Медики есть медики. Чёрт с ними. Какие-нибудь эксцессы были?

– Из ряда вон – ничего. Но на его характере ухудшение общего состояния не отразилось.

– Ясно, – Коквин поправил безукоризненные ремни и весь подобрался. – Свободен, разрешаю идти! – объявил он Недошивину и перевёл взгляд на Антона. Тот невольно вытянул руки по швам – Коквин, оказывается, умел гипнотизировать подчинённых.

– Вперёд, – скомандовал он строго, пропустил Беллогорского первым, и следом пересёк порог больницы сам.

8

В палате было нестерпимо жарко, пахло – в первую очередь – мочой, а после уж всем остальным: капустными объедками, камфорой, экскрементами, сердечными каплями. На столике возле окна стоял небольшой телевизор «Samsung». В углу тарахтел холодильник, но банки и латки со снедью, которые в него не поместились, занимали весь подоконник. Пол, свежewe-мытый, оставался покрытым пятнами; на столе покоилась коробка, доверху набитая ватой, бинтами, пластинками таблеток и склянками с успокоительным. А в удалённом от окна углу находилась одна-единственная кровать, где неподвижно возвышался колоссальный живот, укрытый тремя одеялами со штампами больницы.

– Наберите номер Ферта, – пророкотало с кровати вместо приветствия.

Коквин предупредительно выставил ухо:

– Что-нибудь не так, господин директор?

– Вам сказано набрать номер, – повторил голос. – Суки проклятые, почему никого не было ночью?

– Но как же, господин директор! – даже Коквин опешил. – Наш сотрудник только что сдал мне дежурство.

– Блядь набитая ваш сотрудник, – сказал живот. – А это что за дурак?

Антон шагнул вперёд. От неожиданности и негодования у него затряслись колени.

– Наш опытейший работник – Антон Беллогорский, – почтительно представил Антона Коквин. – Специалист по уходу за пациентами, страдающими заболеванием, подобным вашему. Товарищу Беллогорскому нет равных в его деле.

– Пусть он сядет здесь, – приказал голос, не уточняя, где именно сесть.

Коквин указал глазами на изголовье, плохо видное из-за живота. Антон приблизился и осторожно уселся на край кровати.

– Я вам всем здесь кишки выпущу, – пообещал банкир.

* * * * *

Полчаса спустя Антон почувствовал в себе способность ползать на коленях перед Польстером. «Мама, роди меня обратно», – подумал он, рисуя перед собой благополучные роды прямо в инвалидное кресло, на колени к немного капризному и вздорному, но в целом очень и очень милому старичку. Банкир, в отличие от Польстера, не был человеком капризным. Он также не принадлежал к числу несчастных, которых болезнь изуродовала и сломала психологически. Он оставался в здравом, пакостном рассудке, каким был всегда, и намеревался на все сто процентов использовать открывшуюся возможность издеваться над окружающими, большую часть которых считал своими холуями, а оставшихся причислял к откровенным врагам и строил в их отношении фантастические планы расправы.

Коквин отправился в аптеку покупать какое-то новое снадобье – дорогое и бесполезное, а заодно – новые порции снеди.

– Вызови старую гниду, – надумал банкир, глядя в потолок.

Антон, морально опустошённый, смотрел на него с тупым равнодушием и молчал. Невозможно было догадаться, кого имел в виду банкир – Антон уяснил себе, что в устах последнего подобное определение могло быть дано каждому.

Банкир тоже безмолвствовал, по-прежнему уставив взор вверх. Он словно забыл про свой приказ, а может быть, и выдохся. Однако внешность больного наводила на мысли о солидных запасах здоровья – даже рак не справился с исполинским брюхом, короткой мощной шеей и тремя упругими подбородками. Банкир был совершенно лыс – возможно, он облысел после нескольких курсов лучевой терапии. Лицом он был не то свинья, не то гиппопотам – подобный тип людей встречается часто, особенно в новейшее время, и банкир ни на йоту не отходил от канона. Маленькие, в щеках утопленные глазки, три глубокие складки-морщины на лбу, широкая обескровленная пасть с плотно стиснутыми губами. Веки умирающего полуприкрылись; теперь он лежал с выражением коварного удовольствия, замышляя новые каверзы.

– Почему она не идёт? – спросил банкир, когда уже казалось, что желание видеть кого-то переварилось и улетучилось за компанию с очередным смрадным выдохом.

– Кто, простите? – пролепетал Антон дрогнувшим, тихим голосом.

– Не слышу! – крикнул банкир, распахивая глаза и наливаясь ненавистью. – Когда ко мне вызовут ЛОРа? Я три недели требую ЛОРа!

Беллогорский уже знал, что ЛОР был не далее, как накануне, промыл банкиру уши, удалил из них массивные серные залежи.

– Вызвать ЛОРа? – переспросил Антон подобострастно.

– Громче говорите! – крикнул больной.

Антон нагнулся, повторил вопрос громко и по складам.

– Я же велел привести старую гниду, – проскрежетал банкир, обозначая скрежетом наступление следующей стадии бешенства. – Совсем обалдел, идиот, ни пса не смыслишь! Вытри мне рот!

Антон потянулся за первой попавшейся тряпкой, пациент зорко следил за его движениями.

– Не этим!

Тот заозирался в поисках чего-нибудь более подходящего; взял, в конце концов, вафельное полотенце и промокнул банкиру рот. Едва Антон над ним склонился, деспот оглушительно рыгнул ему прямо в лицо, затем выдал серию газовых залпов и мрачно потребовал:

– Есть давай.

Беллогорский покорно взял со стола тарелку с недоеденным овощным пюре, пошевелил в нём ложкой и начал кормление. Банкир жевал медленно, с гримасой жалобного омерзения, потом неожиданно выплюнул картофельно-морковную кашу прямо на одеяло.

– Что вы делаете? – изумился Антон.

– Придут – уберут, – буркнул банкир невнятно.

– Кто уберет? – не удержался тот.

– Кто-нибудь, – сказал банкир. – Всё равно им больше нечего делать, всей этой срани, недоноскам.

– Будете есть дальше? – спросил Беллогорский, выждав немного.

Подопечный молчал, пережёвывая пустоту. Антон откинулся назад, упёрся в простыни и тут же отдёргнул руку: из-под банкира текло.

– Хо-хо! – слабо усмехнулся магнат. – Не нравится, гадёныш? К ногтю вас, каждого, уроды... Другого языка не понимаете... Я сколько раз говорил тебе позвать старуху?

– ЛОРа? – Антон в изнеможении обмяк.

– Не ЛОРа, кретин! Ту уборщицу, что меня якобы лечит!

Дверь отворилась, в палату вошёл Коквин с тремя пакетами.

– Вашему Ферту я хвост накручу, – злорадно обратился к нему банкир. – Час прошёл, а меня не перестилают. Куда ты встал? Я не вижу тебя, стань здесь.

Коквин щёлкнул каблуками, пару секунд постоял навтыжку, а после бросился менять замаранные простыни. Банкира пришлось перевернуть на бок; Беллогорский вдавил ладони в немытую хрячью шкуру, туша завалилась и стала истошно орать на одной ноте гласные звуки один за другим.

– Что? – спросил Антон, отдуваясь и сдувая с глаз волосы.

– А-а-а-а! – орал банкир, тараща мелкие глазки и до предела выгибая светлые редкие брови. – Сучьи отродья, засранцы! Больно, вашу мать!!..

– Не обращай внимания, – сказал еле слышно Коквин. И продолжил, бормоча вполголоса, чтобы больной не услышал: – Надо же, до чего могучая штука – жизнь! Сколько её в нём, ты посмотри! Зауважаешь, куда денешься! Другой бы давно коней двинул, а этот нас переживёт!

В шёпote Коквина Антон и вправду различил неподдельное и восхищенное уважение. Да, в который раз подумал он, здесь целая идеология. Чёрт его знает – может быть, и в самом деле за два дня ей не научишься, придётся привыкнуть, обтереться... Антон всё больше убеждался, что в «УЖАСе» не лгали – во всяком случае, в отношении к жизни, которая явно не была для сотрудников пустым звуком.

– Я вас урою! – хрипел банкир, пока двое с остервенением, из последних сил тянули из-под него простыню. – Ферт... вам... не поможет, не думайте... Я и его урою, не дам ни гроша...

Беллогорский внезапно выдернул свой конец простыни и попятился. Вслед за ним настала очередь Коквина, и паралитик, по инерции перекатившись обратно, вновь занял исходное положение на спине. Он часто дышал, лицо его исказилось.

– Позовите мне дуру! Быстро!.. – просипел банкир.

– Сию секунду, – выдохнул Коквин, поправил причёску и выбежал в коридор к телефону, на сестринский пост.

– Вот же телефон, сотовый! – не подумав, крикнул ему вдогонку Антон.

– Только тронь! – донёсся с кровати змеиный свист. – Вшивыми лапами чужое добро!

Беллогорский огляделся по сторонам, подошёл к банкиру поближе и спросил:

– Которое ухо лучше слышит?

– Это, – ответил тот, морщась от боли.

Антон нагнулся наугад, к левому, и внятно, отчётливо произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.